

ЛУКОМОРЬЕ

ЭТНАЛНІС
№ 7
1916

Гро кого?

Авт. И. Жукина.

РОССИЙСКОЕ Транспортное и Страхование ОБЩЕСТВО,

УЧРЕЖДЕННОЕ ВЪ 1844 ГОДУ
(основной капиталъ 4.250,000 рублей),
ПРОИЗВОДИТЬ ОПЕРАЦИИ:

1. Страхование отъ огня всякаго рода имущества.
2. Морское, рѣчное и сухопутное страхование товаровъ и перевозочныхъ средствъ судовъ и вагоновъ.
3. Страхование цѣнностей (процентныхъ бумагъ, векселей, чековъ и т. п.), перевозимыхъ по почтѣ.
4. Транспортное страхование товаровъ и кладей въ Россіи и за границу.
5. Храненіе кладей и товаровъ.
6. Выдачу ссудъ подъ товары.
7. Имѣть собственное пассажирско-товарное пароходство на Черномъ морѣ.

Конторы и агентства Общества во всѣхъ торговыхъ городахъ, въ томъ числѣ

въ Архангельскѣ и Владивостокѣ.

Вновь открыта контора Общества въ ЛОНДОНѢ.

АГЕНТСТВО ВЪ ПАРИЖѢ.

Контора въ Петроградѣ — Екатерининскій каналъ, 18.
Правленіе въ Петроградѣ — Невскій, 27.

ФИБРОВЫЕ ЧЕМОДАНЫ

ЛЕГЧЕ, КРѢПЧЕ, ДЕШЕВЛЕ КОЖИ

Телефонъ
199-84.

945627

„Тробтроттеръ“

Невскій, 3 (противъ Главнаго Штаба).
Переведенъ съ Морской.

ПРИЕМЪ
ЗАКАЗОВЪ и ПОЧИНОКЪ.

НОВАЯ КНИГА:

„ВОЙНА и ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕССЪ“

Н. А. Громова.

(Изданіе неофициальное). Цѣна 2 рубля.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и киоскахъ жел. дор.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ:

„Черноморское Подбережье Кавказа“

(СПРАВОЧНАЯ КНИГА),

изд. М. А. и Б. А. Сувориныхъ,

сост. О. П. Доброхотовъ и др. съ предисловіемъ, статей-секретаря
А. С. Ермолова, подъ редакціей Н. И. Воробьева.

Подробныя свѣдѣнія для больныхъ, туристовъ, коммерсантовъ и промышленниковъ; много рисунковъ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Нов. Врем.“ и др., а также въ киоскахъ желѣзныхъ дорогъ.

Складъ — Контора изданій В. А. Суворина, Невскій, 52 („В.ч. Вр.“).

Цѣна 3 руб. 50 коп., съ перес. — 4 руб.

ИМПЕРАТОРСКОЕ

ПЕТРОГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОощРЕНІЯ
РЫСИСТАГО КОННОЗАВОДСТВА.

БУДУТЪ

БЪГА

ФЕВРАЛЬ:

4, 6, 7, 9, 11, 13, 14, 16, 19, 20,
21 и 28.

Начало бѣговъ въ 12 час. дня.

Красивый альбомъ
участника войны.

СИЛУЭТЫ ВОЙНЫ

32 рисунка.

Цѣна одинъ рубль.

Продается въ магазинахъ „Новаго Времени“ и др. книжныхъ магазинахъ.

3 РУБЛЯ
съ
ДОСТ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1916 годъ на
— НОВЫЙ —

2 Р. 75 К.
БЕЗЪ
ДОСТ.

ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСѢХЪ

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Ежемесячный безпартійный прогрессивно-демократическій журналъ литературы, художества и общественной жизни. Въ связи съ переживаемымъ моментомъ особое вниманіе обращено на отдѣлы: 1) ВОЕННЫЙ (Н. Л. Кладо, Г. Г. Алексѣевъ); 2) КООПЕРАЦІИ (К. А. Пажитновъ); 3) ЗЕМСКИЙ (Б. Фромметъ). Въ серьезно поставленномъ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ отдѣлѣ дается живое отраженіе современныхъ исканій и теченій. Каждый номеръ иллюстрируется снимками съ работъ лучшихъ художниковъ и печатается въ иллюстр. обложкѣ. Въ журналѣ принимаютъ участіе все лучшія литературныя силы.

Подписная цѣна. съ перес. 3 р. на 1/2 г. — 1 р. 70 к. Безъ перес. на годъ — 2 р. 75 к. за гран. 4 р.

Отдѣльный номеръ въ розничной продажѣ 35 коп.

Для сельск. учит. снащен., рабоч., крестьянъ и учащихся допуск. разср. 1 р. при подпискѣ 1 р. въ 1-му марта и 1 р. въ 1-му июля.

Контора и Редакція: ПЕТРА Эргелевъ 3. Тел. 107-88.
РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. БОАНЕ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

А. РЕННИКОВЪ.

„ЗОЛОТО РЕЙНА“

О НѢМЦАХЪ ВЪ РОССИИ.

Со многими снимками и картами нѣмецкихъ колоній въ текствѣ.

Изданіе М. А. Суворина.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина — „Новое
Время“ и на желѣзныхъ дорогахъ.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Того же автора: «Въ странѣ чудесъ», «Тихая Заводь»,
«Сѣятели вѣчнаго» и др.

2 158846

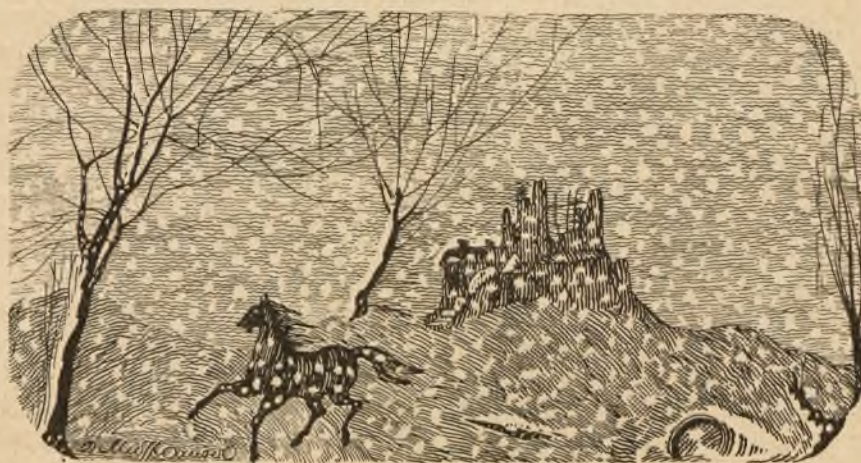
Главная площадь въ Фюриѣ—теперешней промышленной столицѣ Бельгій.

Н. Похитоновъ.

ЛУКОМОРОЕ

№ 7.

13 февраля 1916 г.

ВЪ ТЫЛУ.

Иней легкой, пушистый, безбурный,
И просѣлка съ избушкой лѣсной,
И уборъ на деревьяхъ ажурный
Тонуть въ свѣтъ луны голубой.
Въ свѣжнхъ шапкахъ, съ сѣдой бородой,
Молчаливыя сосны стоятъ;
Въ льдинкахъ свѣтлхъ, повнешнхъ на хвою,
Изумрудныя искры горятъ.
Все бѣло. И въ сѣяньи прелестномъ,
Гдѣ слилися луна и морозъ,
Высоко взлетѣлъ куполъ небесный
Съ огоньками мерцающихъ звѣздъ.

Тишина—словно въ храмѣ забытомъ.
И тревожно роится мечты:
«Миръ ли тамъ, въ мѣрѣ, грезой повитомъ?»
Жутко, если лишь миръ пустоты!
На мгновенье я забываю,
Подъ таинственнымъ свѣтомъ луны,
Что здѣсь люди и жизнь, и мечтаю,
Что наступить и миръ для земли.
И душой возмущенной жестокой,
И кровавою битвы борьбой,
Отдыхаю предъ этой глубокой,
Покоряющей все—тишиной.

Л. Антонова.

Портретъ съ послѣдствіями.

Какъ и слѣдовало ожидать, «женщина съ зонтикомъ» обратила на себя вниманіе почти всѣхъ. Кто интересовался, почему картина, изображавшая даму, сидѣвшую за небольшимъ столомъ и поднявшую рюмку красного вина на свѣтъ, называется «женщина съ зонтикомъ»,—и тщетно искалъ этого предмета на полотнѣ. Кто восхищался нѣжными тонами ткани, лица, освѣщеннаго снизу и краснымъ звѣздистымъ отблескомъ свѣта черезъ вино на прозрачной рукѣ. Кто высказывалъ свое мнѣніе о

красотѣ изображенной дамы и дѣлалъ догадки о ея происхожденіи, національности и характерѣ. Ея отношенія къ художнику тоже не мало занимали праздное воображеніе зрителей. Кто она: жена, любовница, случайная модель, пожелавшая остаться неузнанной, или профессиональная натурщица? Это было трудно прочесть въ чувственныхъ и нѣсколько надменныхъ чертахъ высокой брюнетки съ низкимъ лбомъ, прикрытымъ къ тому же длинной челкой.

Конечно, названіе могло бы легко

счесться не за вызовъ (для этого было слишкомъ незначительно), а за нѣкоторую шалость, за желаніе подразнить публику. Въ углу картины, впрочемъ, былъ видѣнъ кусочекъ закрытаго зонтика цвѣта «вишней гуицы» и отъ цвѣта ли матеріи, отъ названія ли картины, хотѣлось видѣть раскрытымъ этотъ зонтикъ за спиною дамы, чтобы онъ тоже наложилъ тяжелый красноватый отблескъ на сидящую, вродѣ того, что вино бросало на ея тонкую руку,—такъ что, пожалуй, художникъ имѣлъ нѣкоторое

основаніе такъ ее отмѣтить въ каталогѣ.

На самомъ дѣлѣ эта дама не была ни натурщицей, ни эксцентричной заказчицей, ни женой и ни любовницей Дмитрія Петровича Рындина, — она была женщиной, которую онъ любилъ. Она была изъ порядочнаго семейства и, если никому не была известна, то только потому, что долгое время, почти съ дѣтства, жила за границей. Онъ былъ еще начинающимъ художникомъ и писалъ этюды въ Швеціи, тамъ они и познакомились и Феофанія Яковлевна Быстрова увидѣла въ его наброскахъ то, чего не видѣли другіе и чего не вполне сознавалъ даже онъ самъ. Она будто открыла глаза художнику на всю значительность и остроту его таланта. Съ того и началась ихъ дружба. Мать Феофаніи или Фанни, какъ ее называли, рѣдко выходила изъ дому, будучи все время большой и словно официально взявъ на себя къ тому же роль «несчастной женщины»; художникъ и барышня Быстрова, въ качествѣ иностранцевъ, пользовались большой свободой, — такъ что никто не удивлялся, встрѣчая ихъ

всегда вмѣстѣ, будь то въ маленькомъ залѣ провинціального курорта, или на берегу моря, или въ лѣсу, гдѣ Дмитрій Петровичъ сидѣлъ за мольбертомъ, а Фанни поодаль лежала на пледѣ съ книжкой въ рукѣ, иногда читая, иногда смотря на высокое облака сквозь пушистыя вѣтки.

Межъ ними велись долгія и разнообразныя бесѣды, но не было сказано слова «люблю». Дмитрій Петровичъ зналъ это безъ словъ и почему-то думалъ, что онъ самъ также не безразличенъ для Фанни. И вотъ что странно: несмотря на то, что все это (пу, этотъ романъ, если хотите) происходилъ лѣтомъ, Рындину казалось, что стоитъ ясная, морозная зима. Иногда это впечатлѣніе было такъ сильно и ощутительно, что ему требовалось усиліе воли, чтобы не предложить, наиримѣръ, своей спутницѣ побѣгать на лыжахъ. Вѣроятно, въ лицѣ, голосѣ, манерахъ дѣвушки было что-нибудь, что напоминало зимній ясный день съ солнцемъ, обещающимъ близкую золотую капель.

Однажды, Рындинъ былъ, какъ всегда у Быстровыхъ и собирался

идти на этюды, какъ вдругъ увидѣлъ черезъ широкое окно въ мелкихъ клѣткахъ, что все небо съ моря растушевано большой рваной тучей.

— Пойдетъ дождь, пожалуй! — сказалъ онъ задумчиво.

— Если пойдетъ дождь, это будетъ надолго! — отвѣтила стоявшая у того же окна Фанни.

Дмитрію Петровичу вдругъ показалось, что она говоритъ совсѣмъ не о дождѣ и что дѣвушка это знаетъ. Такъ что онъ имѣлъ въ виду совсѣмъ не погоду, когда продолжалъ:

— Вы думаете?

— Я увѣрена въ этомъ.

Конечно, Фанни догадалась, о чемъ говорилъ художникъ, потому что несколько не удивившись тому, что онъ вдругъ поцѣловалъ ее руку, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ, она протянула ему и другую, свободную, улыбаясь, межъ тѣмъ, какъ косою ливень сразу залилъ клѣтчатое стекло и рваные края поцѣвленной тучи вытянулись въ ровную линію.

Вотъ и все, что было. Съ тѣхъ поръ Феофанія Яковлевна замѣнила Рындину все — друзей, товарищей, родныхъ, учителей, была ему сестрой,

Porto Mourizio.

Рис. К. Горбатова.

вдохновительницей и желанной возлюбленной, о которой вздыхают. Перебздъ въ столицу мало измѣнилъ ихъ жизнь: они такъ же почти все время находились вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что Дмитрій Петровичъ началъ портретъ Фанни. На этотъ портретъ они оба возлагали большія надежды, справедливо рассчитывая, что онъ сразу выдвинетъ молодого художника, дастъ ему имя и бодрое, веселое желаніе работать дальше. Феофанія Яковлевна такъ волновалась, такъ заботилась, чтобы увѣренность не покинула Рындица, давала ему столько совѣтовъ, такъ неутомимо позировала иногда по семи часовъ въ сутки,—что могла считаться авторомъ произведенія почти въ такой же мѣрѣ, какъ и самъ художникъ. Наконецъ, картина была окончена. Фанни долго смотрѣла, будто не на свое изображение, на надменную слегка, такую странную и прекрасную даму, державшую на свѣтъ бокалъ краснаго вина, и тихо молвила:

— Такъ вотъ я какая!

Рындицъ озабоченно заговорилъ:

— Развѣ вы находите, что непохоже? Можетъ быть, въ данную минуту вы и не совѣмъ такая, но я хотѣлъ показать васъ настоящею, такою, какою я васъ вижу и васъ люблю!

Сказала и испугалась. Но Быстрова, не отводя глазъ отъ полотна, улыбнулась и прошептала по прежнему тихо:

— Да, вы меня любите, я это вижу. И вы знаете, что я васъ также люблю, васъ и вашу талантъ, вашу гений и это навсегда, чтобы ни случилось!

— Но что же можетъ случиться?..

— Не знаю. Но моему ничего дурного не произойдетъ. Васъ ждетъ удача и слава!

Дѣйствительно, ничего дурного не произошло. публика и критика сразу обратили вниманіе на «женщину съ зонтикомъ», и Рындицъ впервые жадно глоталъ сладкую отраву успѣха. Фанни не дѣлила открыто торжества своего художника, такъ какъ отчасти по просьбѣ матери, отчасти по собственному желанію, она нигдѣ не появлялась съ Дмитріемъ Петровичемъ, сохраняя свое положеніе вдох-

Дитя.

Рис. Н. Герардова.

новительницы только для самой интимной, сердечной жизни.

Она не была даже на открытіи выставки и только изъ газетныхъ замѣтокъ, да рассказовъ самаго Рындица знала объ «ихъ» торжествѣ. Она отправилась посмотреть на свой портретъ лишь черезъ три, четыре дня, утромъ, чтобы было меньше публики. Но кое-какой народъ все-таки былъ. Феофанія Яковлевна сѣла на стулъ у окна, спиной къ свѣту и долго смотрѣла, будто въ первый разъ видѣла эту даму, за которой такъ хотѣлось бы увидѣть распущеннымъ зонтикъ «весенней туши», съ удивленіемъ и восторгомъ узнавая въ ней себя. Фан-

ни блаженно размечталась, какъ вдругъ ее вернули къ дѣйствительности чьи-то голоса. Передъ картиной стояли молодой человекъ и дама, или барышня. Сидѣвшей они повидимому не замѣчали. Господинъ говорилъ:

— Великолѣпно!

А дама ему отвѣчала:

— Картина безусловно прекрасна, но какая противная изображена особа, вульгарная привычка. Она воображаетъ, что тутъ есть усталая чувственность, загадочность, демонизмъ! Ничего подобнаго: одна поза. Вы думаете я не знаю всѣхъ этихъ устарѣлыхъ штукъ? Отлично знаю! Имъ—грошъ цѣна.

— Вы—строгая! Можетъ быть, на самомъ дѣлѣ эта дама совсѣмъ не такая, какъ вы думаете.

— Я не знаю, можетъ быть. Я вижу только, что изобразилъ художникъ, какъ онъ ее видѣлъ, а какая она на самомъ дѣлѣ я не знаю, да это и не важно. Такъ какъ картина прекрасна, она останется навсегда та-

кою, вульгарною позеркой. А сама эта дама, Богъ съ ней! Умретъ она,— и кто о ней вспомнитъ? Только близкіе.

— Боже мой, какія у васъ мрачныя мысли!

— Ну, поѣдемте, Сережа: пора завтракать; мама будетъ сердиться, если мы опоздаемъ.

Они ушли съ легкимъ сердцемъ куда-то завтракать, гдѣ ихъ ждала мама, а Феофанія Яковлевна все сидѣла у окна, словно не видя уже другихъ посѣтителей, которые проходили мимо, останавливаясь на минутку, двѣ, передъ «женщиной съ зонтикомъ». Веселее солнце больно припекало ей затылокъ и сквозь раскрытую въ сосѣдней залѣ форточку было слышно, какъ ворковали голуби. Выждавъ, когда передъ картиной никого не было, Фанни вплотную подошла къ ней и, нахмурилась, долго смотрѣла на даму, поднявшую красный бокаль.

2.

Дмитрій Петровичъ съ такимъ эгоистическимъ терпѣніемъ ожидалъ, когда вернется съ выставки Фанни, что даже не замѣтилъ, какъ блѣдна и непохожа сама на себя была вернувшаяся.

— Ну какъ? Видѣла? Много народа? Не правда ли не дома, въ официальномъ, такъ сказать, мѣстѣ картина имѣетъ совсѣмъ другой видъ?— говорилъ онъ, не дожидаясь отвѣтовъ и не помогая дѣвущкѣ раздѣться. Впрочемъ, она, повидному, и не собиралась снимать пальто и шляпы, даже не подняла вуалетки, изъ-подъ которой странно блестящими блуждающіе глаза.

— Теперь у меня колоссальный планъ большой картины и вы можете мнѣ его разработать. Если бы вы знали, какъ я вамъ благодаренъ, какъ люблю васъ, Фанни. Но что съ вами? Отчего вы молчите и вообще какая-то странная?

— Вы меня совсѣмъ не любите!— тихо и горестно сказала дѣвушка.

— Т.-е. какъ это не люблю?

— Вы меня совсѣмъ не любите!— повторила еще разъ Феофанія Яковлевна и вдругъ заплакала. Рыдуньи казался упавшимъ съ неба. Наконецъ, Фанни рассказала о случаѣ на выставкѣ.

Художникъ вспылилъ.

— Мало ли на свѣтѣ идіотовъ! Охота обращать вниманіе на ихъ слова!

— Дѣло въ томъ, что я потому сама долго смотрѣла и пашла, что эти идіоты были совершенно правы. Я тамъ изображена противной кривлякой.

— Но почему, почему? Въ чемъ это видно? Что вы приподняли бокаль съ виномъ и красный бликъ на рукѣ?.. Но мы же вмѣстѣ придумали эту позу и намъ она казалась очень красивой... въ чемъ же?

Пастухъ.

Рис. П. П. Кравченко.

— Во всемъ: въ выраженіи, въ позѣ, даже въ чертахъ. Значитъ, вы меня такую считаете, такую видите... Следовательно, вы меня не любите, даже презираете. А между тѣмъ вы знаете, что вы для меня были—все. Вы знаете, какъ я относилась къ вамъ, къ вашему искусству.

Рыдингъ стоялъ, кусая губы въ недоумѣніи, наконецъ, началъ:

— Это все вздоръ. Я такъ люблю васъ, что не можетъ быть рѣчи о другомъ. Это все праздныя фантазіи. Я думаю только, какъ вы хоть минуту могли подумать, что эти идиоты правы.

— Я сама это провѣрила и сама себя нашла на вашемъ портретѣ отвратительной.

— Боже мой! Вы же знаете, что тамъ выражены всѣ мои мечты о

любви и красотѣ, которая для меня заключена въ васъ одной, только въ васъ!

— Я видѣла эти мечты, и всѣ видѣли.

— Но вы знаете меня. Неужели то, что вы повторяете съ чужихъ словъ, скольконибудь похоже на меня, на мое отношеніе къ вамъ?

— Значитъ, вы выразили въ вашей картинѣ не то, что хотѣли.

Рыдингъ молча взглянулъ на дѣвушку и опустилъ глаза. Дѣвушка, слегка усмѣхнувшись, продолжала:

— Вы не обижайтесь, Дмитрій Петровичъ, но вотъ, что я скажу: или вы меня не любите и совсѣмъ не понимаете, или... портретъ не такъ удаченъ, какъ намъ казалось...—не давъ ему возразить, она быстро подошла къ нему и заговорила вкрадчиво:

— Вѣдь, это не умаляетъ вашего таланта, у кого не случилось неудачныхъ вещей? Особенно первая вещь... притомъ никто не знаетъ о вашей неудачѣ, всѣмъ картина правится, только мы двое понимаемъ, чего тамъ недостаетъ. Мы будемъ работать, вы напишете другую картину, лучшую, которою будемъ гордиться съ открытымъ сердцемъ.

— Нѣтъ, картина хороша, я знаю это.

— Не упрямитесь, это васъ педостойно... снимите съ выставки эту неудачную вещь...

— Что? Снять съ выставки? Ни за что!

— И вы говорите, что вы меня любите?

— Я васъ люблю, но не согласенъ

У проволочныхъ загражденій непріятеля.

Рис. участн. погода О. Розанковского.

исполнять пустые капризы. Вы можете ошибаться.

— Нѣтъ, я не ошибалось: картина отвратительна,—печально промолвила Фанни, очевидно, совершенно не ожидая взрыва, который произведутъ ея слова. Рындины вскочили и принялся бѣгать по комнатѣ.

— Боже мой, какъ я ошибался! Кто могъ предполагать, что одно пустое тщеславіе руководило вами все время!—чисто женское желаніе прославиться на чужой счетъ. Что вамъ за дѣло до меня, до моего таланта, разъ опъ не служить вашей славы? Теперь мнѣ все понятно; и ваше вниманіе, и ваша дружба, и совѣты, и такъ называемая любовь. Они исчезаютъ отъ первыхъ словъ глупца, показавшихся вамъ оскорбительными.

— Вы меня опозорили!—тихо сказала Фанни, освобождая свою руку.

— Я васъ обезмертилъ!

— Не будемъ спорить. Вопросъ рѣшится очень просто. Желаете вы снять вашу картину съ выставки?

— Не желаю.

— Отлично. Тогда мнѣ нечего больше говорить. До свиданья.

— До свиданья.

— Не до свиданья, а прощайте: это навсегда.

— Прощайте.

Но не успѣла дѣвушка дойти до двери, какъ Рындины ее окликнули:

— Фанни!

— Ну что?

— Фанни, подумайте, вѣдь я же люблю васъ, вы мнѣ кажетесь необходимой! Жизнь надолго померкнетъ для меня безъ васъ.

Феофанія съ порога спокойно спросила:

— Снимете картину?

— Прощайте!—закричала художникъ и такъ быстро закрыла дверь, что чуть не прихлопнула подола Феофаніи Яковлевны.

3.

Барышня съ Сережей къ завтраку не опоздали, хотя шли пѣшкомъ черезъ лужи, въ которыхъ синими кусочками небо разбросалось по мостовой. Мама не сердилась и спрашивала про выставку и про «женщину съ зонтикомъ».

— Ты, Зина, несправедлива,—говорилъ молодой человѣкъ:—не только картина превосходная, но и дама, изображенная на ней, прелестна, во все не пошлая кривляка. Въ ней столько дѣвственной чувственности, сдержанной силы и какой-то влекущей загадочности,—что просто надо

удивляться, гдѣ онъ такую нашелъ. Навѣрное, прикрасилъ.

— Неужели ты думаешь, что я не поняла всего этого. Дѣло въ томъ, что ты не замѣтилъ, тамъ какъ разъ сидѣла эта дама, съ которой писанъ портретъ. Я съ нею незнакома, но узнала ее тотчасъ. Мнѣ почему-то показалось смѣшнымъ, что сидитъ и смотритъ на собственный портретъ и мнѣ захотѣлось ее подразнить. Конечно, шалость.

— А ты думаешь, она слышала?

— Увѣрена въ этомъ.

Помолчавъ, Сережа замѣтилъ:

— А вдругъ она обидѣлась и выйдетъ у нея съ художникомъ какая-нибудь непріятность.

— Если она понимаетъ искусство, умна и любитъ художника, конечно, она пойметъ, что я говорила вздоръ, а если она обидчивая дура, то Рындины не большая потеря, если она и поссорится съ нимъ.

— Трудно судить.

— У артистовъ сердце легко, и во всѣхъ сердечныхъ бѣдахъ, искусство подъ рукой.

Затѣмъ Зина засмѣялась.

— Я такъ рада, Сережа, что ты у насъ не художникъ, не поэтъ, а просто молодой человѣкъ, и меня любишь.

— Спокойнѣе?

— Вотъ, вотъ.

М. Кузминъ.

ИЗЪ МОТИВОВЪ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ.

Ладья въ вѣнкахъ*).

Ладья въ разноцвѣтныхъ вѣнкахъ,
И иѣжащихъ пѣсенъ напѣвы:
То, лежа на яркихъ шелкахъ,
Поютъ обреченныя дѣвы.

Затѣйливъ ихъ пышный нарядъ,
И рѣзко очерчены брови;
Ихъ алыя губы горятъ
Цвѣтовъ ярко-красныхъ багровѣй.

Онѣ беззаботно поютъ
О смерти, о жизни, о страсти...
И мчится ладья—ихъ пріютъ,
И ярко раскрашены снасти...

Плывутъ и плывутъ по рѣкѣ
Въ своемъ разноцвѣтномъ уборѣ,—
Сквозь зелень кустовъ вдаль
Ужъ плещется темное море.

Ни лѣсъ не причалитъ ладьи,
Ни скалы, ни желтыя дюны...
Плывутъ и плывутъ въ забытыя—
Прекрасны, безпечны и юны...

Ихъ въ море выносить рѣка,
Скользя по широкой лоцинѣ...
И слышится пѣсня, пока
Онѣ не исчезнутъ въ пучинѣ...

В. Опочининъ.

*) «Ладьи въ вѣнкахъ» или «цвѣточные корабли» Китая—это плавающие «чайныя домики» Японіи.

Росмин. Избиצה
С. Росминское
январь 15.

Разрушенный снарядами костелъ въ Избицахъ.

Рис. О. Розанковского.

У ДОКТОРА.

— Обмѣнять вамъ мелочь на рубликъ съ новенькій? Извольте, извольте...

Купецъ Брызгантьевъ порылся въ касъ и досталъ оттуда новенькую рублевую бумажку. Лицо у него спокойное и даже суровое, но Леночкѣ кажется, что онъ насмѣшливо улыбается. Она краснѣетъ, торопливо схватываетъ бумажку и быстро выходитъ изъ магазина.

По обледенѣлому тротуару Леночка бѣжитъ, постукивая каблучками въ конецъ Знаменской улицы и когда она добѣгаетъ до углового дома—сердце ея стучитъ сильно, сильно. У подъѣзда она останавливается, глядитъ на хорошо ей знакомую эмалированную доску, на которой написано: «Докторъ Богоявленскій. Внутреннія и нервныя болѣзни. Приемъ отъ 6 до 8 вечера», потомъ вынимаетъ часики. Леночка хорошо знаетъ, что еще только начало шестого, что въ приемной у доктора павѣрное еще никого нѣтъ, но тѣмъ не менѣе торопливо поднимается вверхъ.

Въ приемной на самомъ дѣлѣ еще никого нѣтъ. Леночка усаживается въ уголокъ у окна, перелистываетъ разбросанные на столикѣ журналы и прислушивается къ доносящимся изъ сосѣдней комнаты голосамъ.

Въ приемной холодно и какъ-то особенно неприятно—мебель разставлена небрежно, кое-какъ, гравюры висятъ криво и несимметрично, а большое старинное зеркало неуклюже громоздится въ углу.

Леночкѣ, однако, кажется, что приемная серьезнаго и добросовѣстнаго доктора должна быть именно такою: ничего лишняго, пенужнаго, быющаго на эффектъ. Ей пріятно сидѣть въ уголокѣ, пріятно сознавать, что она здѣсь одна и, что никто пока не мѣшаетъ мечтать ей о своемъ—ей только одной понятномъ, о чемъ она никогда никому не рѣшилась бы рассказать.

Но одиночество длится не долго: въ передней раздается рѣзкій звонокъ. Черезъ минуту въ приемную входитъ пожилая женщина и, тяжело отдуваясь отъ ходьбы по лѣстницѣ, опускается на кресло. Она равнодушно оглядывается по сторонамъ и, замѣтивъ Леночку, вяло спрашиваетъ.

— Скоро ли принимать-то будетъ?

— Скоро. А вы вѣроятно торопитесь?

— Не то что тороплюсь, а не люблю ждать зря.

— Хотите,—я уступлю вамъ свою очередь.

— Хорошо. Спасибо.—Попрежнему вяло и равнодушно молвила женщина и зѣвнула.

Приходятъ еще пациенты: чиновникъ съ краснымъ носикомъ, дама съ дѣвочкой и высокій худошавый юноша въ очкахъ. Чиновникъ безпокойно бѣгающими глазами обшариваетъ сосѣдей, вздыхаетъ, вытаскиваетъ зачѣмъ-то записную книжку, перелистываетъ ея странички и пересаживается ближе къ двери.

— Вы ужь меня пустите. Очередь моя. Такъ негодится. Я раньше васъ пришла.—Говоритъ полная женщина.

— Я вамъ не мѣшаю. Не мѣшаю. Пожалуйста идите раньше, а съестъ я могу, гдѣ хочу, не возбраняется,—отзывался чиновникъ.

За дверьми слышится знакомое покашливаніе. Леночка настораживается.

Сейчасъ откроется дверь.

— Пожалуйста.

Полная дама не сгѣна проплываетъ въ приемную. Потомъ уходитъ чиновникъ, дама съ дѣвочкой. Юноша въ очкахъ поглядываетъ на Леночку, а она улыбаясь предупреждаетъ его.

— Пожалуйста. Я не спѣшу.

— Пожалуйста.

Теперь ея очередь. Больше пациентовъ нѣтъ. Леночка идетъ къ кабинету, а сердце ея бьется, сильно, сильно.

Въ кабинетѣ полумракъ и только громадный письменный столъ ярко освѣщенъ лампой съ опущеннымъ абажуромъ. Докторъ Богоявленскій, высокій, красивый брюнетъ, приглядывается къ Леночкѣ и, узнавъ ее, улыбается.

— Здравствуйте, здравствуйте. Ну, какъ себя чувствуете?

Леночка краснѣетъ. У нея было такъ много подготовлено, что сказать, а теперь всѣ нужныя слова точно куда-то исчезли.

— Голова... И затѣмъ сплю плохо...

— Проншлый разъ вы, кажется, жаловались на боль въ груди.

— Да и грудь...

— Ну-съ, посмотримъ...

Докторъ наклоняется къ Леночкѣ. Лицо его совсѣмъ близко близко около нея. Знакомый вихрь захватываетъ Леночку. Хочется крикнуть: «Милый, милый»... Сказать еще что-нибудь такое, особенное, стыдное быть можетъ, все равно, лишь бы только онъ ее понялъ.

— Докторъ...

— Минуточку подождите...

— Теперь вотъ такъ...

Докторъ выпрямляется и садится къ столу.

— Ничего особеннаго. Нервы пошаливаютъ. А это рановато бы еще.

Говоритъ онъ баскомъ на о, и въ этомъ то же есть какая-то особая прелесть.

— Докторъ... И еще вотъ здѣсь болитъ...—говоритъ Леночка указывая на ключицу.

Богоявленскій молча киваетъ головой. Сейчасъ онъ напишетъ рецептъ и Леночкѣ придется уйти.

— Докторъ, а что принимать отъ безсонницы?

— А вотъ я вамъ порошки пропищу...

— Ужасно мучительно не спать по ночамъ... Ужасно... Ночи кажутся такими долгими, долгими...

Леночкѣ хочется, чтобы Богоявленскій поднялъ голову, отложилъ писать рецептъ заговорилъ съ нею... Ахъ, какъ много могла бы она сказать ему... Неужели онъ со всѣми женщинами такой серьезный и равнодушный? А этотъ портретъ на стѣнѣ? Ревливое, колочее чувство шевельнулось въ душѣ Леночки.

— Докторъ...

— Я слушаю,—отзывается Богоявленскій, продолжая писать рецептъ.

— Отчего... Отчего мнѣ такъ скучно...

Богоявленскій улыбается.

— Нервы.

— Вотъ вы все говорите—нервы. А мнѣ кажется, что я съ ума сойду отъ тоски.

— Въ ваши-то годы?..

— Ну да, въ мои годы.

— Полноте, все обойдется. Вотъ принимайте эти пилюли—два раза въ день, послѣ обѣда, а порошки по одному, въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ бессонница. Только не злоупотребляйте ими безъ нужды.

Леночка беретъ рецептъ, медленно, медленно складываетъ его и прячетъ въ портмонэ. Повеный рубль положенъ подъ пепельницу, но Леночка медлитъ уходить.

— Докторъ... А когда придти снова?..

— Недѣлки черезъ три, черезъ мѣсяцъ.

— А раньше?

— Раньше, пожалуй, не зачѣмъ.

— А я... я все-таки приду раньше.

— Приходите, если почувствуете себя хуже.

• Нужно уходить, Леночка чувствуетъ это, но ей мучительно хочется сказать еще что-нибудь, хочется быть еще хоть нѣсколько минутъ въ обществѣ Богоявленскаго. Нѣсколько секундъ длится напряженное молчаніе.

— До свиданія,—говоритъ, наконецъ, Леночка и въ голосѣ ея звенятъ слезы.

— До свиданія.

Богоявленскій крѣпко, пожимаетъ ея маленькую холодную руку и провожаетъ до передней. Затѣмъ уходитъ въ кабинетъ и Леночка слышитъ, какъ онъ тихонько пасвистываетъ вальсъ изъ «Фауста».

На дворѣ стало какъ будто еще холоднѣе. Звѣзды блестятъ ярко ярко на фонѣ темнаго неба, а снѣгъ хруститъ подъ ногами бодро и весело.

Леночка идетъ по скользящему, обледѣлѣлому тротуару, распахнувъ шубку, жадно глотая холодный морозный воздухъ. На душѣ у нея тихая грусть. Не хочется ей возвращаться въ свою розовую комнатку, не хочется выходить къ

чайному столу, не хочется никого видѣть, говорить...

Думаетъ она, какъ бы хорошо было, если бы она теперь простудилась и захворала. Лежала бы она блѣдная, безпомощная, а се ежедневно навѣщала бы докторъ Богоявленскій. И она бесѣдовала бы съ нимъ подолгу и сказала бы ему многое, многое. Тогда бы онъ, конечно, выслушалъ бы ее, выслушалъ бы и понялъ, а потомъ...

Отъ мороза горятъ щеки, но Леночка не чувствуетъ холода: она совсѣмъ распахнула шубку, ей вѣдь не страшна простуда, нисколько не страшна, лишь бы только все случилось такъ, какъ она хочетъ.

Евгеній Шведеръ.

ОПРАВДАННЫЙ.

Съ англійскаго.

Недавній процессъ капитана Джона Фоулера, убившаго, якобы, изъ ревности красавицу Эну Гарнье, надѣлалъ много шума. Интересъ къ этому процессу увеличивался особенно тѣмъ, что подсудимый отказывался отъ какихъ-либо объясненій до разсмотрѣнія дѣла въ судѣ и отвергъ даже услуги лучшихъ адвокатовъ, охотно бравшихся за его защиту. Капитанъ Фоулеръ былъ непоколебимъ и немудрено, что среди судей, да и въ обществѣ, сложилось въ концѣ концовъ мнѣніе не въ его пользу.

Но вотъ наступилъ день окончательнаго суда. Съ утра залъ былъ переполненъ публикой. Всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за развитіемъ процесса. Прокуроръ закончилъ уже свою рѣчь и слово должно было перейти къ защитѣ. Но, увы, по волѣ «преступника», ея не оказалось... Въмѣсто защитника поднялся съ своей скамьи обвиняемый и взоры присутствующихъ обратились къ нему. Капитанъ Фоулеръ всталъ блѣдный, но спокойный. Это былъ человекъ видной, обаятельной наружности; черные, небольшіе усы, украшали его тонко-очерченный ротъ; мускулы лица изрѣдка вздрагивали, но онъ владѣлъ собой. Окинувъ залъ твердымъ, рѣшительнымъ взглядомъ, онъ вынулъ изъ кармана какой-то документъ и началъ читать мягкимъ, плавнымъ голосомъ. Вотъ, что повѣдалъ онъ всѣмъ, его слушавшимъ.

«Я хочу прежде всего объяснить вамъ, господа,—началъ онъ—почему я такъ упорно отказывался отъ защиты. Я сдѣлалъ это не потому, что рассчитывалъ на силу своего собственнаго краспорѣчія. Мнѣ просто казалось, что чистосердечный, откровенный рассказъ—рассказъ того человека, который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой печальной трагедіи, произведетъ на васъ большее и лучшее впечатлѣніе, чѣмъ блестящая рѣчь, хотя бы самаго талантливаго адвоката. Кромѣ того, какъ вы узнаете дальше, я долженъ былъ до поры до времени молчать и хранить подробности дѣла про себя, не подпуская къ нимъ никого, кромѣ своей совѣсти. Теперь только печать молчанія снимается

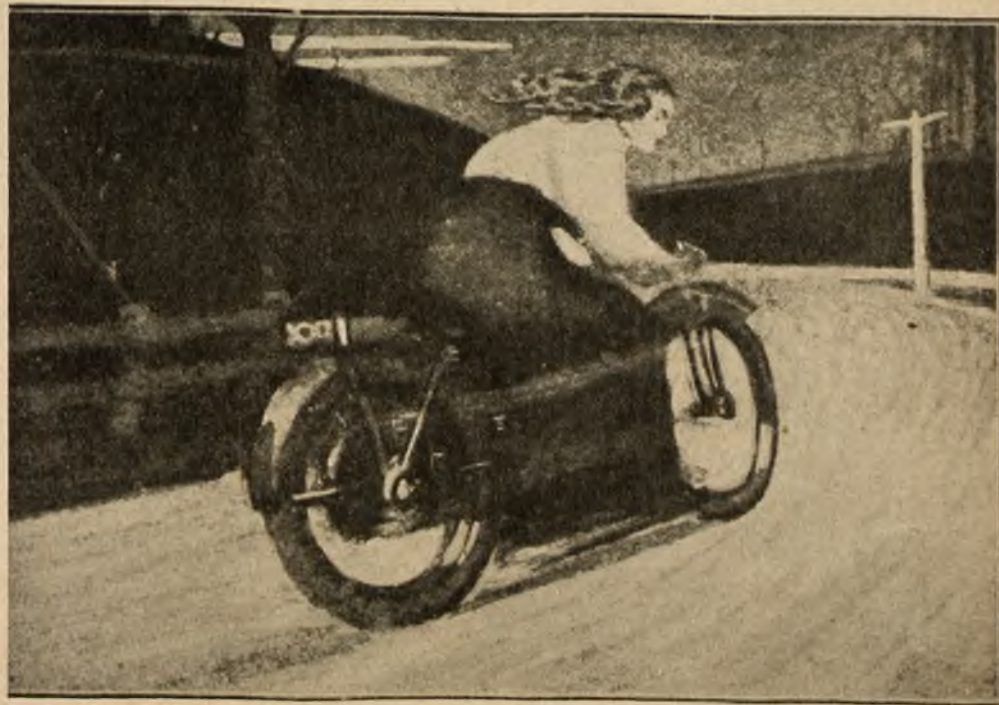
съ моихъ устъ и я прошу васъ выслушать меня до конца.

Въ моментъ объявленія намъ Германіей войны,—продолжалъ послѣ небольшой паузы обвиняемый,—я былъ переведенъ изъ своего полка въ шотландскіе стрѣлки. Этотъ полкъ квартировалъ тогда въ Эсексѣ, въ мѣстечкѣ Редчерчъ; солдаты наши расположились въ крестьянскихъ избахъ, офицеры же пріютились въ помѣщичьихъ усадьбахъ. Лично я устроился въ домѣ мистера Мюрфильда, человека очень любезнаго, и здѣсь-то и встрѣтился впервые съ Эной Гарнье.

Быть можетъ распространяться о ней сейчасъ неумѣстно. Но все же я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о женщицѣ, которая заняла въ моей жизни столь большое мѣсто. До встрѣчи съ ней я никогда не думалъ, чтобы въ образѣ женщины могли такъ удивительно сочетаться красота и холодный, вкрадчивый

умъ. Ей было всего 25 лѣтъ. Она была высокой, стройной блондинкой, съ нѣжнымъ, но какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица. Я тутъ же влюбился въ нее никогда не думая, чтобы во мнѣ могло проснуться, столь сильное, неустержимое чувство. Во всемъ мірѣ для меня существовала одна только Эна; все остальное казалось ничѣмъ. Выслушавъ меня до конца, вы, быть можетъ, не повѣрите этому; была минута, когда я забылъ свой солдатскій долгъ, но вѣдь въ томъ-то и заключается мое преступленіе, что я пошелъ на все, только бы искупить допущенную оплошность!

Счастье мнѣ улыбалось. Любимая мною женщина, какъ мнѣ тогда казалось, отвѣчала мнѣ взаимностью. Въ домѣ Мюрфильда она была гувернанткой—французкенкой. Но, въ сущности, въ семьѣ она была скорѣе родной,—ее любили и ласкали. Меня же къ ней

Она неслась, какъ Валкирія въ Валгаллу.

«Какъ вы это достали?»—воскликнула она задыхаясь. «Какъ вы осмѣлились взломать мой столъ и выкрасть это письмо?»

особенно привязывало то, что она всегда восторженно отзывалась объ Англіи и англійскомъ народѣ. Германію она открыто ненавидѣла и мечтала о ея пораженіи. Эту ненависть она объясняла не только тѣмъ, что нѣмцы наши заклятые враги, но и тѣмъ, что въ войнѣ 1870 года были убиты ея отецъ и нѣсколько близкихъ. Говори о Германіи, глаза ея сверкали мщеніемъ, голосъ дрожалъ, грудь взволнованно подымалась. Не мудрено, господа, что любовь моя росла съ каждымъ днемъ, а съ нею вмѣстѣ и моя довѣрчивость къ Эдв. Я сдѣлала ей скоро формальное предложеніе; она его не отвергла, но сказала, что

свадьбу лучше отложить до окончанія войны.

Она обладала поразительнымъ искусствомъ ѣздить на мотоциклетахъ. Она изучила машину до мельчайшихъ подробностей. Но поѣздки свои она совершала большей частью одна. Я неоднократно предлагалъ ей—поѣхать вмѣстѣ, но она подъ разными предлогами отказывала. Въ началѣ это меня смущало, но потомъ я съ этимъ помирился. Мнѣ казалось, что это одно изъ проявленій той независимости, которую я всегда высоко цѣнилъ въ женщинѣ. Кроме того, Она до такой степени умѣла сглаживать всѣ причиняемыя мнѣ непріятности, что

я по прискорму поддавалъ подъ ея обаяніе и дѣлался ея послушнымъ рабомъ.

Здѣсь много говорилось, о моей склонности ревновать. Нѣкоторые указывали, что въ домѣ мистера Мюрфильда происходили даже, благодаря этому, бурныя сцены. Я этого не отрицаю. Но развѣ можетъ не ревновать человекъ, который любитъ женщину всѣми силами своей души, всѣмъ своимъ существомъ? А вѣдь Она давала этому не мало поводовъ. Изъ ея словъ, я часто убивался, что она знала многихъ офицеровъ въ Челмсфордѣ и Кольчестерѣ. Но когда я начиналъ спрашивать о нихъ, то получалъ въ отвѣтъ или милую улыбку, или молчаніе.

Душа ея была для меня вѣсѣе закрыта. Разгадать ее.

На ея столѣ я увидѣлъ развѣ фотографическую карточку какого-то господина, которую раньше не видѣлъ. Карточка была подписана незнакомымъ мнѣ именемъ: «Г. Вардэнъ». Я, естественно, спросилъ, кто это такой. Отвѣтъ получился совсѣмъ странный. Она сказала, что г. Вардена она лично не знаетъ и никогда его не видѣла. Я вскричалъ и повышеннымъ голосомъ сталъ грозить, что порву съ ней павѣки. Она бросилась къ двери и начала кричать о помощи. На крикъ вѣбжала г-жа Мюрфильдъ и стала меня успокаивать. Но успокоиться мнѣ было трудно. Я требовалъ объясненій. Лицо Ены вдругъ преобразилась. На губахъ заиграла улыбка, и, сблизив мою шею руками, она нѣжно прошептала: «Даю слово, что я не знаю г. Вардена, я люблю тебя одного, Джонъ!»

Мнѣ такъ и не удалось открыть тайны. Въ тотъ же день вечеромъ я получилъ депешу, по которой долженъ былъ немедленно выѣхать въ Лондонъ; мнѣ приказано было принять новую, болѣе ответственную должность при военномъ министерствѣ. Простившись съ Эной, я сѣлъ въ поѣздъ и съ этого момента и началась полоса событій, которыя привели меня на эту скамью.

Заваленный работой я не навѣщалъ Ены въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Съ трудомъ мнѣ удалось вырваться на три дня. Поѣздъ примчалъ меня въ Редчерчъ и, къ моей великой радости, Она ждала меня на вокзалѣ. Мы отправились по знакомой дорогѣ къ дому гостепріимнаго г. Мюрфильда. Разстояніе отъ вокзала было около шести миль; на второй милѣ Она вдругъ спросила меня:

— А что война? Что наши союзники? Неужели Франція и Бельгія никогда не освободится отъ Германіи?

Она вдругъ зарыдала и, ломая себѣ руки, въ какомъ-то экстазѣ продолжала:

— Неужели мы еще долго будемъ стоять на мѣстѣ? Неужели мы можемъ довольствоваться тѣмъ, что врагъ не продвигается впередъ и не захватываетъ новые области? Развѣ можно такъ долго съ этимъ мириться? О! Джонъ! Милый Джонъ! Успокой меня! Скажи хоть что-нибудь! Дай мнѣ хоть одинъ лучъ надежды! Вы, англичане, хладнокровны, но мы, французы, не можемъ такъ. Намъ нуженъ патіекъ, движеніе. Иначе лучше—смерть. Быть можетъ все это глупо съ моей стороны... Ты вѣдь въ военномъ министерствѣ рядовой человекъ, откуда тебѣ знать, какіе планы таится въ головахъ твоихъ начальниковъ?..

Если бы и не испытывать в этот момент жгучей радости свидания, я бы промолчал, или отвѣтилъ какой-нибудь пустякъ. Но сердце мое слишкомъ сильно билось. Въ вопросѣ любимой женщины я не усмотрѣлъ ничего особеннаго и незамѣтно для самого себя сказалъ:

— Будь спокойна, дорогая, я знаю много — мы скоро начнемъ наступление.

— Скоро?! Быть можетъ черезъ годъ? — педовѣрчиво замѣтила она.

— О нѣтъ! Гораздо раньше.

— Въ будущемъ мѣсяцъ?

— Раньше.

Она восторженно схватила меня за руку.

— Мой дорогой мальчикъ! — какую радость принесъ ты мнѣ! Но какой же это все-таки срокъ? Если наступление начнется позднее будущей недѣли, это убьетъ меня!

— Не бойся, оно начнется раньше.

— Но тогда объясни мнѣ, Джонъ! Наступление начнемъ, конечно, мы — французы.

— И мы, и французы.

— Ахъ, вотъ какъ?! Союзники, значитъ, поведутъ атаку вмѣстѣ?

— Одновременно. Французы пойдутъ на Вердонъ, англичане — на Ширъ. Я думаю, это должно выйти удачно.

— Я понимаю! — все оживилась Эна. — Немцы, значитъ, не догадаются куда имъ посылать резервы!

— Въ этомъ и заключается смыслъ нашего маневра. Настоящее наступление поведется на Верденъ, демонстративное — на Ширъ.

Едва я произнесъ эти слова, какъ меня охватила смутный страхъ. Я откинулся назадъ и посмотрѣлъ на Эну долгимъ, испытующимъ взглядомъ.

— Я сказалъ, кажется, слишкомъ много?! — громко крикнулъ я. — Могу ли я тебѣ вѣрить?

Она горько, обиженно улыбнулась:

— Я отрѣжу скорѣе себя языкъ, чѣмъ выдамъ кому-либо нашу тайну, Джонъ!

И Эна посмотрѣла на меня своими чарующими глазами, которые сразу разсѣяли мои тревоги...

Въ Редчерчѣ мнѣ надо было по дѣлу зайти къ полковнику Воррено. Я вернулся только черезъ три часа. Эны нигдѣ не было. Я спросилъ прислугу, та сказала, что она у себя въ спальнѣ и собирается сейчасъ ѣхать. У подъѣзда, дѣйствительно, стояла ея мотоциклетка. Въ ожиданіи, я присѣлъ къ письменному столу и разсѣянно взглянулъ на листъ пропускной бумаги. Мое вниманіе, вдругъ привлекли два отчетливо отпечатавшіяся на немъ слова: «Губертъ Вердонъ».

Волненіе и какое-то смутное предчувствіе овладѣло мной. Я чувствовалъ, что теряю голову. Въ порывѣ ревности я рѣшился взломать столикъ и дернулъ одинъ изъ ящичковъ; ящикъ легко открылся и въ немъ оказалось письмо, къ Вердену, которое Эна собиралась, видимо, везти на почту.

И вскрывъ письмо и въ первую минуту успокоился — письмо начиналось: «Милостивый государь г. Вардонъ». Пожалуй, дальше бы я и не читалъ, но случайно я замѣтилъ два слова, которые стояли рядомъ. Это были *Вердонъ* и *Ширъ*. Пораженный, я опустился на

стулъ, сердце готово было разорваться. Черезъ минуту я прочелъ, господа, все письмо. Оно здѣсь, въ моихъ рукахъ, я прочту его вамъ.

«Усадьба Мюрфильда.

Редчерчъ.

«М. Г. г. Вардонъ! Стрингеръ сказалъ мнѣ, что Вы имѣете уже всѣ свѣдѣнія о Чельмсфордѣ и Кольчестерѣ. Поэтому я Васъ не безпокоила. Они передвинули двѣ бригады, тяжелыя же орудія сvezены къ Кромлею, гдѣ временно и останутся. Сейчасъ же я пишу Васъ увѣдомить, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ только что изъ военнаго министерства, въ теченіе этой недѣли начнется наступленіе со стороны французовъ, и англичанъ. Первые двинутся на Вердонъ, вторые — на Ширъ. Все будетъ происходить на широкомъ фронтѣ. Надеюсь, что Вы успеете сообщить эту

важную новость фонъ-Штармеру, пошлавъ ему пакетъ съ первымъ же курьеромъ. День готовящагося наступленія и другія подробности я думаю получить вечеромъ, пока же не медлите и дѣйствуйте энергично.

Письмо это опустить въ ящикъ въ Редчерчѣ не рѣшалось. Вы знаете, какія здѣсь строгія правила. Я свезу его въ Кольчестеръ и передамъ лично Стрингеру.

Преданная Вамъ Эна Хефнеръ».

Я остолбенѣлъ. Холодная злоба охватила все мое существо. Эна Гарнье была пѣвкой и вдобавокъ шпионкой! Моимъ сомнѣніямъ наступилъ конецъ. Но я подумалъ въ этотъ моментъ не о себѣ, а о судьбѣ нашей арміи.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался шагъ, и черезъ секунду появилась Эна. Она сразу поняла, что случилось. Мертвенно-

Я сдѣлалъ два выстрѣла...

Кремль (Нязь Игорь).

Н. К. Рерихъ.

блѣдная, она прошептала задыхающимся голосомъ:

— Какъ вы посмѣли взломать мой столикъ и выкрасть это письмо?!

Я молчалъ и смотрѣлъ на нее холоднымъ, пронизывающимъ взглядомъ. Она рванулась съ мѣста и попробовала выхватить письмо. Но я успѣлъ оттолкнуть ее, скрутить и бросить на софу. Затѣмъ я позвоилъ и приказалъ позвать г. Мюрфильда. Когда онъ явился, я сказалъ:

— Эта женщина должна быть арестована! Пока я распорядусь прибытiемъ стражи. Вы должны держать ее подъ ключомъ.

— Не беспокойтесь,—спокойно возразила Эна,—даю слово, что я не уйду. А вы, капитанъ Фаулеръ, будьте осторожны: въ излишней вашей болтливости я убѣждалась ужъ неоднократно и если теперь вы арестуете меня,—фактъ выданной мнѣ вами тайны погубить, покалуй, всю вашу карьеру. Берегитесь!!!

— Я думаю,—сказалъ я, обращаясь къ Мюрфильду,—намъ слѣдуетъ отвести ее лучше наверхъ... Такъ безопасно.

— Я пойду сама,—и Эна послѣдовала съ нами.

Но только что мы вошли въ переднюю, она рванулась къ двери, за которой, какъ уже сказано, ждала ея мотоциклетка. Мы успѣли ее схватить. Она заметалась, и впилась зубами въ руку

г. Мюрфильда. Намъ удалось съ трудомъ отвести ее и замкнуть.

— Будьте покойны,—сказалъ Мюрфильдъ,—она не уйдетъ. Я отвѣчаю за нее жизнью.

Я стремглавъ побѣжалъ бить тревогу. Въ мѣст. Пѣдлей полковника Ворреля не оказалось дома. Кромѣ того, надо было соблюсти разныя формальности—добыть приказъ объ арестѣ, снарядить стражу. Я такъ спѣшилъ, что не могъ продѣлать всего самъ и взялъ съ одного изъ офицеровъ слово, что онъ исполнитъ все и немедленно явится со стражей въ указанное мною мѣсто.

Когда я возвращался, наступили уже сумерки. Миновавъ скрещенiе дорогъ на Пѣдлей и Кольчестръ, я вдругъ услышалъ шумъ стремительно приближавшагося мотоцикла. Я посторонился, боясь быть сбитымъ съ ногъ. Какое же было мое ужасъ, когда я увидѣлъ поровнянаго со мной сѣдока. Это была она, та самая женщина, которая такъ предательски обманула меня!! Она была безъ шляпы, длинные волосы развѣвались по вѣтру, лицо, несмотря на темноту, поражаало своей блѣдностью. Она неслась какъ Валкирія въ Валгаллу. Только въ этотъ моментъ я понялъ, что произойдетъ, если ей удастся свернуть на Кольчестръ: содержанiе письма было бы передано ею Стрингеру лично!.. Я сдѣлалъ два выстрѣла... Раздался

отчаянный крикъ, крикъ голоса еще такъ недавно любимой мною женщины...

Мнѣ больше печего вамъ говорить, господа. Я пашель Эну лежащей въ канавѣ, сердце уже перестало биться. Пуля пробила ей голову. Черезъ минуту прибѣжалъ запыхавшiйся Мюрфильдъ. Выяснилось, что Эна спустилась изъ верхней комнаты по проволокъ, по которой висѣла плоть. Мюрфильдъ опомнился когда услышалъ грохотъ отъѣзжавшей мотоциклетки...

Стѣдственнымъ властямъ было дано тотчасъ же знать, что офицеръ убилъ женщину въ припадкѣ ревности. Я этого не отрицалъ и не указалъ свидѣтелей, которые бы удостовѣрили истину. Наоборотъ, мнѣ было нужно, чтобы истина была именно скрыта. Часть готовившагося наступленiя союзниковъ тогда еще не пробилъ, я не могъ защищаться, ибо орудiемъ моей защиты могло служить только это письмо. Теперь же, господа, наступленiе свершилось! Оно, по бѣдоносно и покрыло новой славой наши знамена. Я могу теперь говорить. Свою судьбу я отдаю въ ваши руки... Если вы меня помилуете, я сумѣю на полѣ битвы искупить свою тяжелую вину. Если вы меня признаете виновнымъ, я готовъ вынести любую кару, которой вы найдете достойнымъ меня...

А. Копапъ-д-Ойлъ.

Канунъ весны.

Почуявъ близость вешнихъ дней,
Теплѣтъ взоръ, и жизнь—легка...
Лазурь надъ городомъ синѣй
И бѣлоснѣжибѣй облака...

Весна волнуешь, какъ игра.
А играмъ—радуешься ты
И все румянѣй вечера,
И беззаботнѣе мечты...

Неодолимо позабывъ
Недужно-зимнюю печаль,
Ты вся —безудержный порывъ
Туда, въ свѣтлѣющую даль...

Туда, гдѣ солнце съ высоты
Преображаетъ землю въ рай,
Туда, гдѣ радостная ты
Нарвешь сиреней въ мѣсяцъ май

Волной благоуханно-зыбкой
Дрожить лиловая вуаль...
И жалить слаще, чѣмъ печаль,
Глаза ликующей улыбкой...

Карнизы въ дымкѣ голубой
Безвольно тающего снѣга...
А ты—Весна!.. Какая пѣга
Слѣдить за ласковой тобой!..

Лепечуть птичьи голоса,
Въ лазурные зовутъ просторы...
И въ общій гимнъ сливая хоры,
Взлетаютъ стаи въ небеса...

И ты за ними улетишь?..
Боюсь чудеснаго порыва!..
А звонкій день поетъ счастливо,
И таетъ снѣгъ на скатахъ крышъ.

Яковъ Годицъ.

Угличъ.

Н. К. Рерихъ.

За деревянными стѣнами.

И. К. Перихъ.

И. П. ПОХИТОНОВЪ.

Есть художники трезваго, испоспкойнаго взгляда на міръ. Не многогранна, не сложна призма ихъ художественнаго воспріятія. Въ ихъ произведеніяхъ не преображенный ликъ природы, а ея отраженіе. Процессъ формировація такихъ художниковъ совершается безболѣзненно, безъ мучительныхъ исканій и сомнѣній. Ихъ путь прямая—не ломаная линія. Тѣсно связанные съ традиціей, пользующіеся ея средствами, они не вносятъ новыхъ художественныхъ идей, для созиданія которыхъ необходимо самобытное творческое начало. Такие художники всегда живутъ въ ладу со своими современниками. Ихъ творчество не вызываетъ шума и споровъ, разнорѣчивыхъ мнѣній и толкованій. Но заданіямъ и ихъ формальнымъ разрѣшеніямъ произведенія ихъ понятны большинству. Художникъ не одинокъ.

Конечно, мы не имѣемъ въ виду той массы банальныхъ, безличныхъ ремесленниковъ, ноставляющихъ «товаръ» на

художественные базары. Рѣчь идетъ о художникахъ, которые, обладая небольшимъ даромъ, чутко приобщаются къ истинно-прекрасному въ искусствѣ. Искренность, при наличности, конечно, таланта, элементъ очень цѣнный въ художественномъ произведеніи. Въ сутолокѣ, шумихѣ, современной художественной жизни, когда искусство, выносятся на улицу, когда каждый день намъ преподносятъ якобы новыя художественныя откровенія, новыя идеи, которые умираютъ, едва родившись, когда въ искусство прицель хамъ,—незамѣченными остаются художники со скромнымъ, сердечно-задушевнымъ словомъ. Подлинно-интимное, явленіе очень рѣдкое въ крикливо-рекламномъ искусствѣ нашихъ дней...

Какъ мало правдивыхъ, искреннихъ страницъ въ книгѣ современной русской живописи. Одну изъ этихъ страницъ, несомнѣнно, занимаетъ Похитоновъ, его у насъ въ Россіи мало знаютъ.

Но кто внимательно осматривалъ Третьяковскую галерею, музей Александра III, тотъ долженъ помнить миниатюры его кисти. Художникъ почти все время жилъ за границей. Франція—Бельгія—его вторая родина. Тамъ сложилась его живопись, его техника. Французы его учителя. Похитоновъ—пейзажистъ. Въ любовномъ, вѣжномъ подходѣ къ природѣ художникъ примыкаетъ къ семьѣ барбизонцевъ, Коро, Дюпре, Руссо, Добиньи. Конечно, нашъ соотечественникъ во многомъ уступаетъ этой группѣ замѣчательныхъ поэтовъ пейзажа 30-хъ годовъ. Русскій художникъ не такого широкаго размаха, у него нѣтъ такой глубины и онъ не обладаетъ ихъ величественной простотой.

Художественная концепція, сила воспріятія Похитопова ограничениѣ, въ немъ нѣтъ мужественной силы созиданія, которая тотчасъ же находитъ въ самой себѣ вѣрнѣйшее художественное выраженіе для воспріятого впечатлѣнія.

По бекасу.

И. Похитоновъ.

Лѣсъ зимой.

И. Похитоновъ.

И все же Похитоновъ въ своихъ лучшихъ работахъ подымается надъ среднимъ уровнемъ художниковъ Барбизона, въ своемъ искреннемъ, безхитрымъ пониманіи и любви къ природѣ. Художникъ больше исходитъ отъ предмета, больше наблюдаетъ, чѣмъ созерцаетъ природу, но психологически его пейзажи не безразличны, они всегда интимны и въ этомъ ихъ прелесть. Интимны они не въ смыслѣ выбора милыхъ уголковъ пейзажа и разныхъ настроеній, а въ ихъ духовной трепетности, тонкости аромата.

Если Дюпре бурный романтикъ, Коро великій мечтатель, то Похитоновъ скромный идилликъ. Похитоновъ любитъ пред-

метное. Онъ аналитикъ въ своемъ ревностномъ выписываніи деталей. Отдѣлка рисунка почти ювелирная, но это не падающий сухой рисунокъ. Все предметы дрожатъ, онъ тонко сочетаетъ воздухъ и свѣтъ. Особенно хороши легкія, прозрачныя, слегка влажныя дали пейзажей Фландріи. Въ тонкомъ силеи воздуха и свѣта чувствуется импрессионистъ. Краски чисты, густы и компактны при тонкой техникѣ, онъ даетъ удивительно пріятную поверхность напоминающую эмаль, по ней хочется провести рукой.

Большое достоинство въ работахъ Похитонова ихъ техническая сторона.

У французскихъ живописцевъ всегда

любозное, ревностное отношеніе къ своему ремеслу. Даже далеко не глубокіе художники всегда изящны, корректны въ своей художественной рѣчи. Вотъ почему во Франціи есть школы, есть принципы. Вотъ почему Похитоновъ, воспитавшійся на лучшихъ образцахъ французской живописи, владѣетъ такой артистической манерой письма.

Теперь совсѣмъ перевелись художники миниатюристы и для любителей такой живописи Похитоновъ рѣдкое явленіе.

Художникъ Похитоновъ долго жилъ и работалъ въ Бельгіи, въ Льежѣ, теперь онъ работаетъ на югѣ Россіи.

П. Жилинъ.

Зима въ Бельгіи.

И. Похитоновъ.

Пѣсни ненависти.

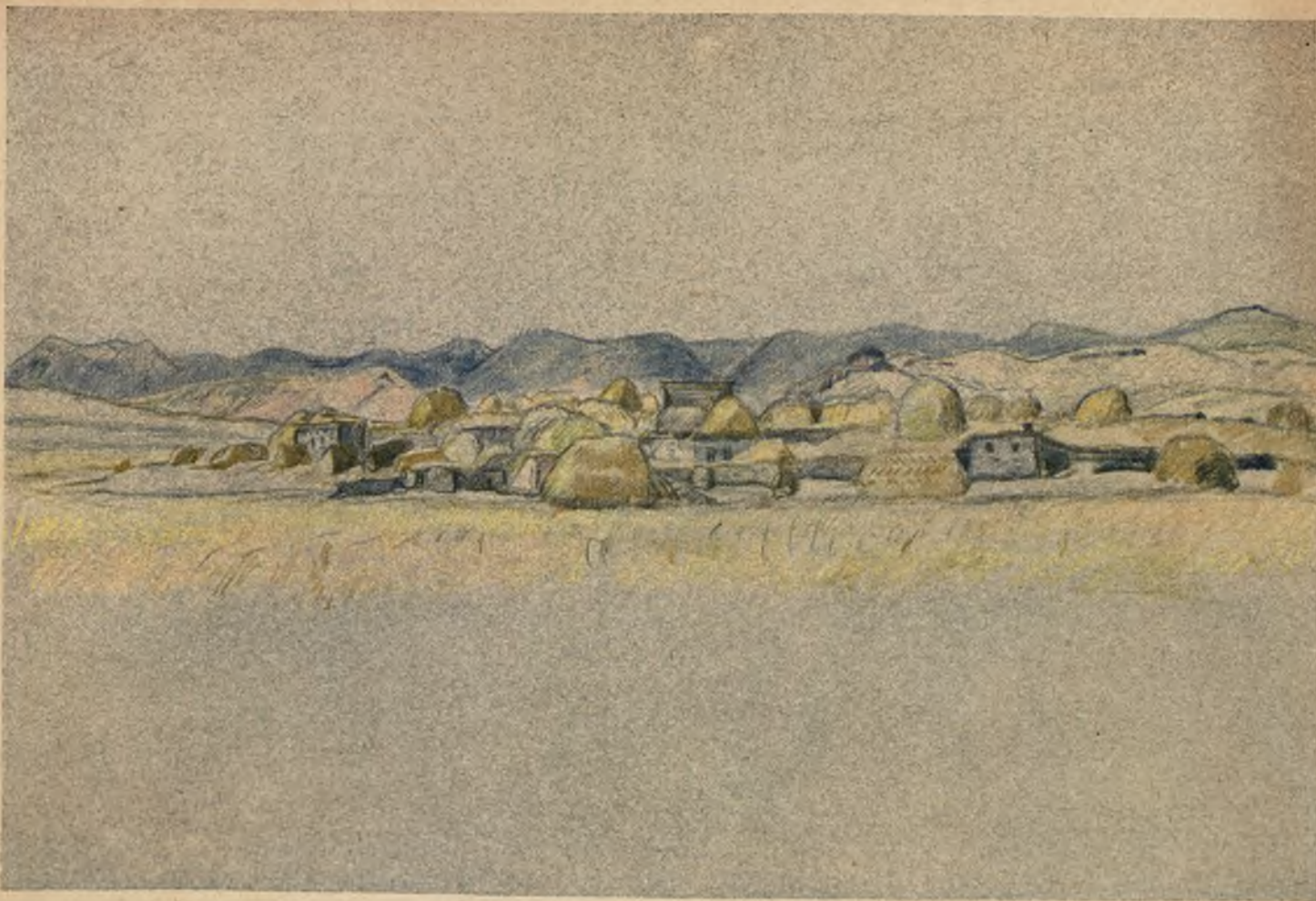
О ненависти сейчасъ такъ много говорятъ—все поклонники шаблоно-благообразнаго прогресса ужасно боятся умноженія въ мѣръ ненависти, твердятъ о грядущемъ торжествѣ силы, о гибели надеждъ на мирное процвѣтаніе народовъ. Настоящая ли это тревога или пустой паиграшъ?

Мы должны теперь опасаться черезмѣрнаго благодушія, мягкотѣлости, испу-

ганной вялости—всѣхъ этихъ неизмѣнныхъ спутниковъ нашей интеллигенции. Пришло время просто и коротко отвѣчать на страшные и грозные вопросы, пора вспомнить, что «кто не собираетъ со мной—расточаетъ». Когда отъ безмысленной, механической, истинно-сатанинской злобы гибнутъ люди, все ихъ достоинствѣ, разрушаются древніе рѣшамы, попираются все святыни, тогда нельзя

быть нейтральнымъ, надо выбрать между Христомъ-побѣдителемъ и бездной на Него возставшей.

Эмиль Верхаригъ сдѣлалъ этотъ выборъ безболзненно и рѣшительно—вся небольшая книга его «Окровавленная Бельгія» представляетъ собою крикъ ненависти, зовъ на бой, мечту о мщеніи. И если бы нашлись лицемѣры упоминающіе объ объективности и созерца-

Навказская деревня.

К. Трофименко.

тальной мудрости довлѣющей поэту, то Верхарнъ могъ бы отвѣтить имъ просто на все многосумные доводы ихъ «Я—бельгонецъ».

Ты—Франція! Ты—Бельгія! Врагами
Окровавленныя, принявша ударъ,

объ этой землѣ, о родинѣ своей обезчещенной паглымъ и злобымъ солдатомъ пишетъ Верхарнъ,—въ своей волнующей книгѣ. Въ стихахъ и прозѣ перечисляетъ онъ злодѣяства завоевателей—варваровъ—цѣлый синодикъ столь краспорѣчивый для историка нашихъ дней. Тысячи разстрѣленныхъ, погибшихъ отъ лишней, замученныхъ дѣти, изнасилованныя дѣвушки, сожженные женщины—вотъ завидные трофеи тѣхъ, кого намъ совѣтовали взять за образецъ культуры, у кого многіе хотѣли лечиться отъ «русскаго варварства».

Мы видѣли покат въ груди у матерей
Съ червлеными въ крови и въ молокѣ
клинками

И дряхлыхъ стариковъ стоящихъ вдоль
путей

Колѣнопреклоненными рядами
Надъ ими же раскопанными рвами
И казни ожидающихъ своей.

Мы все, читали, слышали объ этихъ
мучителяхъ и насильникахъ и слышимъ
каждый день, ими поругана Польша—

не намъ ли слиться съ Верхарномъ въ
единой ненависти и единомъ мщеніи?

Вотъ передъ нами маленькіе, тихіе города—отъ нихъ остались лишь безобразныя развалины, на мѣстѣ фламандскихъ веселыхъ деревень—безконечныя пожарища, вездѣ—толпы бѣглецовъ, людей полуутратившихъ сознаніе отъ позора и голода. Объ этой страшной катастрофѣ пишетъ Верхарнъ:

О Фландрія, какихъ невыразимыхъ
дѣлъ

Какого ужаса, безумія, трагизма

Ты стала зрѣлищемъ. Какъ страшенъ
твой удѣлъ,

Быть жертвой голода германскаго са-
дизма!

Давно—лѣтъ десять, тому назадъ—мнѣ пришлось побывать въ Бельгіи. Я унесъ отсюда радостное мирное чувство уюта—особенно это почувствовалось при переѣздѣ германской границы. Я помню оживленный Льежъ, темозеленые вершины вдали, щеголеватый Брюссель, тихіе уголки въ Остендѣ съ Мадонной, пріотивнейшей въ углу. И въ эту сладость воспоминаній съ болью входитъ сознаніе гибели этой прекрасной страны. Хочется вѣрить, что временно испытаніе, что Бельгія снова оживетъ къ свободной и долгой жизни, хочется повторить слова Верхарна:

Ты такъ вознесла своей судьбою сла-
вой,
Твой пламень такъ великъ, твой подвигъ
такъ высокъ,
Что образъ твой въ сердцахъ пребудетъ
одинокъ
И лѣтъ въ иныхъ вѣкахъ тебѣ по духу
равной.

Русскому сердцу свойственно очень часто считать чужое красивѣе своего, отзываться на дальнее пренебрегая ближнимъ. Я не сомнѣваюсь, что книга Верхарна будетъ замѣчена—надо падѣяться, что она поможетъ многимъ разобраться и въ родной неразберихѣ, откроетъ на многое глаза поделѣиватымъ. «Окровавленная Бельгія» служитъ отличной иллюстраціей къ недавнему недѣльному спору о молчаніи поэтовъ. Читайте Верхарна, читайте его теперь, сейчасъ, въ кровавые наши дни—вѣсьмъ сердцемъ своимъ поэтъ заклинаетъ быть горячими, настоящими людьми, а не полухолодными скептиками и недоносками. Прочтемъ эту книгу и еще больше полюбимъ родную нашу землю и ее защитниковъ и вспомнимъ слова несломовѣца: «Дщи Вавилона оказившая, блаженъ изко воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ».

Димитрій Крючковъ.

Метаморфоза великаго пѣвца.

Рис. Алова.

И. Агнивцевъ.

Мариэтта.

Какъ-то разъ, порою вечерней,
Въ покосившейся тавернѣ,
У красотки Мариэтты,
(Чьи глаза, какъ два стилета!)
Насъ собралось ровно семь,
(Пить хотѣлось очень веѣмъ!)

За бутылкою киянти,
Толковали мы о Каптѣ,
О его «императивѣ»,
О Бразиліи, о Хивѣ,
О сидящихъ vis-a-vis,
И, конечно, о любви!

Оказалось тутъ, что веѣ мы,
Мопасану дали-объ темы,
Если-объ только Мопасана,
Не skoсила-объ смерть такъ рано,
И, что нами превзойденъ,
Даже самъ Декамеронъ!

Оказалось, что одни мы,
Мы одни не отразимы—,
И что въ жизни никогда мы,
Не встрѣчали строгой дамы!...
Чести многихъ герцогинь,
Быль тогда пропѣтъ «Аминь!»

Долго это продолжалось,
Въ результатѣ-жъ оказалось,
Что красотка-Мариэтта,
(Чьи глаза, какъ два стилета)
Въ развращенности своей—
Дѣлится страсть на семь частей!

«Ахъ» воскликнули мы хоромъ,—
Не помиримся съ позоромъ,
«Такъ мы этого не бросимъ.
«Подзовемъ ее и спросимъ,
Пусть стораеть со стыда!
(Разсердились мы тогда!)

— Мариэтта, что-же это?
Ожидаемъ мы отвѣта?
Вы связали ваше имя
Сразу съ нами семерыми?!
Но отвѣтъ быль дня яснѣй:
— Ахъ, въ подѣлѣ вѣдь семь дней!—

Больше мы ее не спросимъ,—
Слава Богу, что не восемь!

УЛЬТИМАТУМЪ.

Басня.

Волкъ подстергетъ комолаго быка.
— Ты это, говоритъ, пріятель, что же?
Съ тобою изъ-за пустяка
Мнѣ ссору заводитъ негоже,
Однако, если мой страдаетъ интересъ,
Свою сказать претензію обязанъ —
— Ты, кажется, ничѣмъ со мной не связанъ, —
Тутъ быкъ ему въ отвѣтъ. — Къ твоимъ услугамъ дѣсь.
А я насусь здѣсь мирно по отавѣ...»
— Постой, постой! А кто мычалъ тутъ даве?
Кто ревомъ напугалъ моихъ волчатъ,
Когда по близости они играли въ полѣ?
Въ средѣ приличной нешто такъ мычать?

Ну, словомъ, я терпѣть не стану болѣ
И такъ скажу: въ дѣлахъ я прямъ и простъ.
И ссориться съ тобою не желаю,
А потому, какъ другу, предлагаю
Отдать мнѣ на съѣденіе хвостъ.
Подумай же какъ слѣдуетъ объ этомъ.
Но, главное, не задержи отвѣтомъ:
Тебѣ въ хвостѣ не велика корысть.
А я ужъ, все равно, рѣшилъ его отгрызть...—

При встрѣчѣ съ алчнымъ произволомъ
Невыгодно, читатель, быть комолымъ

Скальдъ.

Онъ: А, вы знаете, какія загадки загадывалъ Сфинксъ?
Она: А онъ тоже хорунжий?..

Редакторъ-издатель М. А. Суворинъ.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“.
Эртелевъ, 13

5000
Цѣна номера 30 коп.

Невскій, 83.
Петроградъ.

„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“

По крайне удешевленнымъ цѣнамъ.

Невскій, 71,
уг. Николаевской
улицы.

Невскій, 59.

Тел. 55-89.

М. СОКОЛОВЪ, работавшій много лѣтъ
у Г. МОЗЕРЪ и К^о.

КАКЪ СПЕЦИАЛИСТЪ ПРЕДЛАГАЕТЪ ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ СЛѢД. ЕГО СОРТА ЧАСОВЪ. ЛИЧНО ИМЪ
ТОЧНО ПРОВѢРЕННЫЕ, СЪ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ НА 5 ЛѢТЪ.

Стальные мужские часы	отъ 4.50 до 28 р.	◇	Серебряные дамен. часы	отъ 8.75 до 19 р.
Стальные даменіе	5. — — 20 —	◇	Золотые мужские	35. — — 225 —
Серебряные мужск.	11.50 — 35 —	◇	Золотые даменіе	20. — — 125 —

МАГАЗИНЫ И МАСТЕРСКІЯ ЧАСОВЪ, ЗОЛОТО, СЕРЕБРО И БРИЛЛІАНТЫ.

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 341346